

Степанова О.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

РЫБОЛОВСТВО И КОЧЕВОЙ ЦИКЛ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В исследовании доказывается доминирующее значение рыболовства среди хозяйственных занятий северных селькупов и зависимость от него селькупского хозяйственного цикла. Обращаясь к событиям советской и постсоветской истории, автор анализирует влияние государственной политики разных исторических эпох на селькупское традиционное рыболовство и традиционный хозяйственный цикл. В период коллективизации на основе традиционного рыболовства и в сочетании с новациями у селькупов была создана отрасль промышленного рыболовства, которая все последующие исторические этапы, с одной стороны, вносила изменения в селькупскую рыболовную традицию и исконный кочевой хозяйственный цикл, с другой, служила гарантом сохранения селькупским бытом традиционности. Выявленная автором зависимость селькупского хозяйственного цикла от рыболовства позволила внести ясность в вопрос традиционного и современного количества кочевых стоянок селькупов. Научная новизна работы и ее актуальность заключается в том, что с такого ракурса селькупский хозяйственный цикл еще никто не рассматривал, количество стойбищ селькупов до сих пор определялось как «плюс-минус», из-за чего современный юридический статус «ведущих кочевой/ полукочевой образ жизни» селькупы получили справедливо, но без серьезного научного обоснования.

Ключевые слова: Селькупы; хозяйственный цикл; кочевой образ жизни; рыболовство; промышленное рыболовство; политика государства.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-01-96-105

Значительная часть жителей Ямало-Ненецкого автономного округа, представляющих коренные малочисленные народы Севера, имеет юридический статус «ведущих кочевой/полукочевой образ жизни», согласно которому государство оказывает им материальную поддержку. При этом «кочевой» статус тундровых ненцев вопросов не вызывает, они полноценно кочуют, а вот степень кочевания селькупов, определяемая в первую очередь количеством стоянок, и в прошлом, и, особенно, в настоящем, не вполне понятна.

К теме хозяйственного цикла северных селькупов автор подошла, изучая вопросы селькупского рыболовства. В процессе работы выяснилось, что рыболовство невозможно рассматривать в отрыве от селькупского хозяйственного цикла, так как кочевой цикл селькупов всецело зависит от рыболовства, подчинен ему и им определяется. Другие занятия селькупов – охота и оленеводство имеют в селькупском хозяйственном укладе второстепенное, прикладное значение. Последним утверждением автор оспаривает мнение Е.Д. Прокофьевой, которая считала главным занятием селькупов охоту, приносящую им денежный доход (1, л. 1; 8, с. 665-686). Второстепенное значение оленеводства признается всеми исследователями быта селькупов, и ставить его под сомнение нет необходимости.

Наиболее подробные описания традиционного хозяйственного цикла селькупов были найдены автором в работах Е.Д. Прокофьевой [8], Л.Н. Добровой-Ядринцевой [4], В.Н. Скалона [9] и В.В. Лебедева [6]. Сведения по селькупскому рыболовству почерпнуты из исследований по материальной культуре селькупов Л.В. Хомич, Г.Е. Аюповой, С.И. Ирикова [18], А.В. Головнева [2], А.В. Головнева, Н.А. Тучковой [3], В.Н. Скалона [10, 11], К. Доннера [5], О.Б. Степановой [12, 13, 14, 15, 16]. К архивным источникам исследования следует отнести рукопись монографии Е.Д. Прокофьевой «Селькупы», хранящуюся в архиве МАЭ РАН, в ней содержится глава «Рыболовство тазовско-туруханских селькупов» [1]. Главным источником сведений о современном состоянии селькупского хозяйства послужили полевые материалы автора, собранные во время 9 экспедиций к северным селькупам, первая из которых состоялась в 2004 г.

В работе над статьей применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический научные методы, при сборе полевого материала автор пользовался методом наблюдения, проводил опросы информантов и затем обрабатывал – анализировал и обобщал – полученные сведения.

Первым доказательством того, что рыболовство было важнейшим среди хозяйственных занятий северных селькупов, служит признание этого факта самими селькупам, содержащееся в мифологических представлениях. В начале XIX в. был записан очень красивый миф о появлении у селькупов рыболовства. «Когда Орды их пробирались на восход солнца и пришли наконец на Таз; то осталось в живых только четыре брата женатых, изнуренных трудами и голодом. Лежа на берегу Таза, ожидали они уже смерти, как вдруг старший из братьев объят был обыкновенным ему вдохновением; ибо принадлежал к *Тивотшибыкубам* (умнейшим, святым, великим). В минуту приросли к нему два крыла, на которых поднялся он к небесам и быстро погрузился в воды, из которых вышел унизанный с головы до ног разными рыбами. С тех пор стали они заниматься рыбной ловлею, которая ныне составляет главнейшую их пищу» [7, с. 519].

Согласно мифу, рыболовство как вид хозяйственных занятий, как культурное благо, было даровано селькупам высшими силами и имеет божественное происхождение. Вплетенное в текст мифа историческое предание о переселении селькупов с бассейна Оби на север, повествует о том, что именно рыболовство позволило селькупам выжить при освоении новых земель. Народное сознание, отраженное в мифологии, определяет рыболовство как жизненно важное занятие, без которого не было бы и самого народа.

Ряд исследователей, включая Е.Д. Прокофьеву, считает рыбу основным продуктом селькупского рациона [1, л.3]. По данным Е.Д. Прокофьевой, в 1924 г. население Туруханского края численностью 16 тыс. человек потребило 32 тыс. пудов рыбы, что составило 20 пудов рыбы на человека в год, еще 20 тыс. пудов рыбы пошло на корм собакам [Там же]. Для селькупов рыба часто оставалась единственным продуктом питания [Там же; 5, с. 94]. В.Н. Скалон пишет, что по его общему наблюдению, потребление рыбы селькупам чрезвычайно велико: «Так, например, взрослый туземец в зимний день (сутки) съест без труда 5 мороженых чиров (средний вес 5 ф.); кроме того, он будет пить чай с порсом и машками. Перед чаем двое на закуску съедают

порядочного муксуна и т.п. Едят в течение дня очень часто. В дороге под шкурой на санке всегда есть запас мороженой рыбы, и чуть не на каждой остановке (олени останавливаются для передышки через 5, много 10 верст) ее вынимают и едят» [11, с. 62]. Преобладание рыбы в рационе питания народа указывает на приоритет среди его хозяйственных занятий рыболовства.

Основные доказательства доминирующего положения рыболовства среди хозяйственных занятий селькупов содержатся в описаниях старого, досоветского, сугубо традиционного селькупского хозяйственного цикла. Согласно этим описаниям рыболовство имело круглогодичный характер и определяло кочевой образ жизни селькупов, порядков их кочевков.

По материалам Е.Д. Прокофьевой и Л.Н. Добровой-Ядринцевой, селькупское рыболовство имело два активных периода. «Малый промысел» начинался с ледохода - приблизительно с конца мая. Тогда заканчивался отел домашних оленей, и селькупы перекочевывали к местам летних стоянок. В это время они пушальнями (ставными сетями) и запорами промышляли рыбу - для собственного потребления - на мелких речках и озерах по высокой воде, а также охотились в массовых размерах за водоплавающей и боровой дичью. Длился «малый промысел» до спада воды и обнажения песков [1, л. 22, 34; 4, с. 74].

В.Н. Скалон описывает весенний период похожим образом. Весной, когда началось «водополье», селькупы добывали рыбу пушальнями в разливе, карасей - в озерах. В это время готовились к летнему сетевому лову: делали ветки (лодки-долбленки), плели и исправляли невода и сети. В июне по верхнему и среднему Тазу рыбный промысел еще не начинался, рыбу добывали на насущные надобности. Неводьбы не было - все пески были еще под водой. В конце июня - начале июля в низовьях Таза наступало время «вонзя» - период движения сиговых на нерест в реки - притоки Таза, поэтому у ненцев и нижнетазовских селькупов шла горячая работа. По окончании этого периода, они переезжали с весенних песков на освободившиеся летние и 2-3 недели ждали неводьбы [11, с. 48-49].

Лето, как пишут Е.Д. Прокофьева и Л.Н. Доброва-Ядринцева, а вместе с ним и «большой промысел», начинались в июне, тогда все население переходило рыбачить на пески крупных водных артерий – Таза, Турухана, Худосея, Баихи, иногда Енисея. Некоторые хозяйства спускались на пески низовьев Таза, где занимались неводьбой – в целях сбыта промышленным предприятиям. Для неводьбы применялись коллективные формы лова – объединение двух-трех семей. Олени в течение лета паслись в близлежащих тундрах или близ чумов, прячась от гнуса в «загородках, в роде сараев, от мошки и комара» [1, л. 22, 34; 4, с. 74].

По наблюдениям В.Н. Скалона, в конце июня на пески Таза для неводьбы выходили верхнетазовские селькупы, весновавшие на речках. С этого времени и в течение всего теплого периода года, за исключением самого комариного периода, олени большинства селькупских хозяйств ходили совершенно без присмотра. Только во время гнуса олени обслуживались дымокурами. Июль, август и первые декады сентября были главным временем неводьбы по Тазу, всюду происходила усиленная заготовка рыбы на зиму. В конце июля и августе ставились первые запоры на мелких курьях и речках [11, с. 48-49; 10, с. 79-80].

В сентябре, по сведениям Е.Д. Прокофьевой и Л.Н. Добровой-Ядринцевой, когда падала вода, селькупы шли обратно на место весеннего промысла. С ноября начинался промысел белки, в это время охотники промышляли «в бору», вокруг своего чума, что называлось «малой ходьбой» или малой охотой, и продолжалось до середины декабря. Семьи в это время заготавливали рыбу в запорах (подледным ловом занимались оставшиеся дома, неспособные участвовать в охотничьем промысле) и шили одежду для «большой ходьбы». Вернувшись, охотники до светлого времени изготавливали ловушки и проводили самоловную охоту [1, л. 22, 34; 4, с. 74].

По описаниям В.Н. Скалона, в августе в левых верхних притоках Таза начинался лов сиговых острогами и пушальнями, и селькупы, выходившие до этого на Таз, возвращались. С началом «рекостава» перегораживались курьи и речки; ставились запоры и на

больших реках. Сетевой лов почти совершенно прекращался. Исключение составляли немногие тымско-караконские (среднетазовские) селькупы, производящие его пушальнями. Осенью начинались поиски разбредшихся оленей, они продолжались иногда по 2-3 недели. С открытием зимнего пути у домашних оленей начиналась рабочая пора. Время до конца декабря – половины января представляло период интенсивного лова запорами. За это время селькупы не совершали больших кочевок, «сидели у запоров». С места осеновки делались выезды налегке, без чума, а если с ним, то с самой легкой нагрузкой – маршруты делались небольшие. И совершенно не передвигались селькупы во время больших морозов, которое большинство проводило в землянках [10, с. 79-80; 11, с. 48-49].

С февраля, согласно Е.Д. Прокофьевой и Л.Н. Добровой-Ядринцевой, селькупы отправлялись в «большую ходьбу» («большую дорогу»), на промысел белки по хвойным лесам левобережья, за сотни верст от своего обычного кочевания. Не уезжали лишь те, кто неспособен был участвовать в охотничьем промысле, они занимались подледным ловом рыбы. Некоторые селькупы, кочующие севернее, с февраля, на март и апрель уходили в тундру на промысел дикого оленя (Юрацкая тундра, Толняр). Указывая район кочевания, селькупы определяли два пункта, два «своих места» – речку и озеро, где они проводили весну и лето, и даже зиму, и район промысла, куда они уходили за белкой или за диким оленем. «Большая ходьба» продолжалась до вскрытия рек, когда начиналась весенняя рыбалка и охота на водоплавающую и боровую птицу [1, л. 22, 34; 4, с. 74].

В.Н. Скалон дает второй половине селькупской зимы и началу весны более подробное описание. Он отмечает, что с середины января (поздно – с начала февраля) начинался «большой аргыш» и продолжался до апреля. Передвижение совершалось небольшими переходами – 15-20 км в день. Часто устраивались остановки, продолжительность которых зависела от промысловых возможностей окрестности. Установкой промысла по верхнему и среднему Тазу была белка, ниже – песец и дикий олень. Теми, кто отправился на промысел, рыбная ловля не производилась.

Однако промысел требовал больших разездов и, как правило, был недоступен малооленинным и тем более безоленинным хозяйствам, процент которых у селькупов был довольно велик. Не могущие откочевать семейства ловили рыбу мелкими запорами, функционирующими всю зиму. «Большой аргыш», во время которого «туземцы» посещали по кольцевому в общем-то маршруту свои отдаленные угодья, заканчивался возвращением к исходному пункту. За время апреля-мая рыбная ловля производилась мелкими запорами, позднее пушальнями по заберегам, но она не имела большого распространения, носила индивидуальный характер. Места весновки были приурочены к кормным тундрам, где отощавшее за время кочевья стадо отдыхало и кормилось. Период конец апреля – май был временем очень ответственным для оленевода. Конец беременности важен, отел и первое время развития телят требовали бдительности хозяина [10, с. 79-80; 11, с. 48-49; 9, с. 129-139].

По сведениям В.В. Лебедева, к ледоставу (конец октября) хозяйства перекочевывали в устье какой-либо небольшой реки, куда шли на нерест сиговые, это было место интенсивного лова, который продолжался до середины декабря. Рыба здесь заготавливалась на зиму. Сразу после ледостава сооружался запор. Добытая рыба тут же замораживалась. Часть ее оставляли до весны в специальных хранилищах, часть увозили при дальнейших перекочевках [6, с. 84-85].

Из данных описаний следует, что селькупы имели в своем кочевом цикле четыре перекочевки и три стоянки. Первая, основная (I), стоянка располагалась на мелких речках или озерах, здесь селькупы проводили большую часть года. Второй (II) стоянкой – в июле и августе - служили пески крупных рек. Третья (III) стоянка находилась в местах «большой охоты», приходившейся на конец зимы – начало весны. Рыбная ловля не производилась только на третьей (III) стоянке, сугубо охотничьей, однако значительный процент селькупов не принимал участия в охоте, а оставался на основных (I) стоянках, не делая перерыва в добыче рыбы. Кроме того, селькупы-охотники целиком зависели от рыбы, заготовленной впрок. Таким обра-

зом, занятие рыболовством носило у селькупов круглогодичный характер, что было связано с потребностью весь год иметь рыбу в рационе питания, и именно рыболовство, а не охота, служило селькупам основой жизни.

Прежде чем перейти к рассмотрению современного хозяйственного цикла селькупов и сравнению его с традиционным, нужно назвать основные события в селькупской жизни советского и постсоветского времени, которые, по мнению автора, оказали влияние на традиционный цикл и привели к его изменению.

В первую очередь к таким событиям следует отнести создание селькупских колхозов и связанное с ним становление основных отраслей коллективного хозяйства - промышленного рыболовства, крупностадного оленеводства и охотничьей отрасли.

В основу организации работы рыболовной отрасли был положен традиционный селькупский рыболовный цикл: семьи рыбаков, состоя в колхозе, кочевали по своим родовым угодьям и добывали рыбу для сдачи на предприятие традиционными методами, соответствующими сезону. Но уже само становление рыбодобывающей отрасли внесло в жизнь селькупов большое количество новаций: труд рыбаков стал совместным и был оснащен современными техническими средствами, позволившими наладить вывоз рыбы на открывшиеся в районе рыбоперерабатывающие заводы [14, с. 91-100].

В дальнейшем новизны традиционному циклу добавляла постоянная оптимизация рыбного промысла. В 1940-х гг. на время хода белой рыбы, с конца июня, рыбаки всех коллективных хозяйств независимо от их расположения, в том числе верхнетазовских, стали перемещаться в низовья Таза. Так, например, рыбартель колхоза «Победа» (с центром в с. Рагта) летом промышляла рыбу на песках Лысо-Мара и Харбей на расстоянии свыше 600 км от дома. Майский и сентябрьский промыслы проводились рыбаками «Победы» также вдали от своих территорий, по р. Ираткы, а подледный лов - на Чертовых озерах [1].

В конце 1950-х гг., когда запасы ценной рыбы в р. Таз истощились, и был введен запрет на вылов белой рыбы в зонах активного

промысла - с низовьев Таза до р. Худосей, порядок рыболовства изменился снова. Так как планы рыбодобычи по колхозам снижены не были, промысел переориентировался на добычу рыбы частиковых пород, с 1960 г. их добыча начиналась до весеннего хода проходной рыбы. Для повышения объемов добычи рыбы ценных пород вне запрещенных для промысла зон разведывались и осваивались новые водоемы, которые до того в промысле не участвовали или использовались мало (р. Таз выше Худосея и отшнурованные, т.е. не сообщающиеся с Тазом озера). Выросло значение зимнего подледного лова. Для его оптимизации, в 1960 г., колхозы закупили 21 озерный невод и два льдобурильных агрегата (самоходные льдобуры на тяге трактора), после чего подледный лов проводился на 10 рыбугодьях. Благодаря принятым мерам планы по добыче рыбы в совхозах стали выполняться и перевыполняться, и доходы от рыбодобычи стали превышать доходы от охоты [1].

В коллективных хозяйствах существовало разделение труда – работники были поделены на рыбаков, охотников и пастухов оленьих стад. Рыбаки составляли самую многочисленную группу, на период охоты большинство из них становилось охотниками (в делопроизводстве предприятий их профессия называлась «рыбак-охотник»). Однако в колхозах также создавались бригады рыбаков, круглогодично занятых рыбным промыслом и не уходивших на добычу белки. Пастухов оленьих стад было немного, по 6-7 человек на каждое стадо, они освобождались от участия в охоте и рыбном промысле. С оленьими стадами они кочевали по тундрам района, их способ кочевания был сравним с ненецким. Многие селькупские семьи, будучи заняты в других отраслях, отдавали своих личных оленей для выпаса в колхозные стада [1].

С конца 1930-х гг., когда в районе проживания селькупов появились поселки, стартовал процесс перехода селькупов на оседлость. В поселках оседали селькупы, работавшие в подсобных отраслях колхозно-совхозного хозяйства – звероводстве, полеводстве, коневодстве, на молочных фермах, в школах-интернатах, больницах и т.д. Указ

1950 г. о переводе кочевых народов на оседлость, после которого кочевые семьи начали по ссудам строить себе дома в поселках, ускорил этот процесс.

В годы политического и экономического кризиса 1990-х гг. селькупские совхозы развалились: олени стада были утрачены, промышленная добыча рыбы не велась. Объектом охоты вместо белки стал вернувшийся в таежные районы Таза и Турухана соболь, но его популяция тогда только набирала силу, сбыт шкурок еще налаживался, и у большинства охотников не было средств, чтобы закупить перед отъездом в лес продукты питания. Слом политической и экономической системы привел к обнищанию селькупов и появлению у них двух групп: первая переселялась из леса в поселки и имела тенденцию к пьянству и деградации, вторая наоборот, переезжала из поселков в лес, возвращаясь к традиционному образу жизни и натуральному хозяйству [15].

С середины 2000-х гг., когда в социальную сферу Ямало-Ненецкого автономного округа пришло финансирование от предприятий топливно-энергетического комплекса, экономическое положение тазовских селькупов начало улучшаться. В качестве агрофирм с акционерным уставным капиталом были реанимированы селькупские совхозы. Основным направлением их работы осталось рыболовство. Помимо агрофирм в Красноселькупском и Пуровском районах открылись новые рыбодобывающие предприятия - ОАО «Алькор», ОАО «Верхне-Тазовская рыбодобывающая компания», ОАО «Пуррыба», сельскохозяйственная община «Ича» и др. Оборудованные по последнему слову техники сельхозпредприятия закрепили за собой рыбугодья, приняли на работу рыбаков, как и прежде, семьями, построили им на рыбугодьях жилье, обеспечили необходимыми современными средствами производства и запустили процесс промышленного рыболовства в масштабах, не уступающих советским.

Вместе с тем, часть селькупов, живущих на угодьях, до сих пор остается нетрудоустроенной. Для баихинских селькупов, проживающих в Красноярском крае, не было создано никаких сельхозпредприятий. Не работают в открытых для них общинах верхнета-

зовские селькупы, поскольку стоимость бензина, необходимого для доставки рыбы к общинным холодильникам, превышает стоимость сданной рыбы.

Оленеводческое направление деятельности нынешних сельхозпредприятий представлено одним стадом численностью ок. 2 тыс. голов, принадлежащим агрофирме «Приполярная», которое выпасается в Тазовском районе пастухами-ненцами, а также розданными в семьи селькупских оленеводов пятью сотнями оленей агрофирмы «Толькинская». У баихинских селькупов частное оленеводство отсутствует, среднетазовские селькупы, селькупы верховьев Тольки и селькупы Часельского озера имеют по два оленеводческих хозяйства. Лучше всего оленеводство сохранилось у верхнетазовских селькупов, здесь держит оленей почти каждая лесная семья. В гонке на оленьих упряжках на Дне оленевода в селах Ратга и Толька обычно участвует около 30 упряжек [13].

Охоты как направления деятельности на сельхозпредприятиях больше нет, современная охота производится исключительно в частном порядке.

Таким образом, в течение последних 70 лет на традиционный хозяйственный цикл селькупов оказывало влияние, в первую очередь, промысловое рыболовство. Оптимизация, рационализация и интенсификация методов промышленной добычи рыбы вносили коррективы в селькупский традиционный хозяйственный цикл. Промысловое рыболовство меняло традиционный цикл, но в то же время сохраняло его, так как на нем базировалось.

Другим существенным фактором влияния на селькупский кочевой образ жизни был масштабный процесс оседания селькупов в поселках. Он был настолько мощным, что далее, при рассмотрении современного селькупского хозяйственного цикла, речь пойдет уже о селькупском меньшинстве - о той меньшей части селькупов, которая осталась жить в лесу и не перебралась в поселки. К ней относятся рыбаки, круглогодично работающие на сельхозпредприятиях, а также «лесные» безработные из баихинских и верхнетазовских селькупов.

Согласно полевым материалам автора,

современный хозяйственный цикл селькупов, сохраняющих традиционный образ жизни, выглядит следующим образом. Почти все селькупские семьи имеют теперь два хозяйства – летнее и зимнее, которые находятся на незначительном удалении друг от друга (от 3 до 10 км). Летнее хозяйство располагается там, где семья рыбачит летом – по берегам рек, чаще крупных – Таза (с начала 2000-х гг. рыбный промысел вернулся на Таз), Б. Ширты, Тольки, Покольки, Матыльки, Каральки, Верхней и Нижней Баихи и пр. и больших озер - Момчика, Часельского, Чертовых, Парусовых и т.д. На летних стойбищах селькупы живут с мая по октябрь. В этот период рыболовство ограничено общими для всех рыбаков запретами на вылов рыбы во время нереста, а для сельхозпредприятий еще и квотами на объемы добываемой рыбы. Летняя рыбная ловля производится неводами и ставными сетями. Находясь на летних стойбищах, помимо рыбалки, в мае и сентябре селькупы традиционно охотятся на водоплавающую и боровую дичь, а в сентябре осуществляют «мясную» охоту на лося и дикого оленя. Эти виды «близкой» охоты не отрывают селькупов от рыбалки и не требуют специальных перекочевков.

В конце октября селькупы переезжают на зимние стойбища. Зимние хозяйства селькупов находятся вдали от больших рек, рядом с маленькими ручьями, речками и озерами, где производится зимняя рыбалка. В декабре в большинстве водоемов системы Таза наступает замор - нехватка в воде кислорода. Река Таз, на всем своем протяжении, Чертовы озера (за исключением оз. Лозыль-то) – заморные водоемы. Периодически «горят» (становятся заморными) все притоки Таза. Из заморных водоемов черная рыба на зиму уходит в зимовальные озера или на живуны - ручьи, маленькие речки/участки речек, старицы крупных рек - где бьют ключи, и в воде содержится много кислорода. Живуны - места массовой зимовки рыбы. Зимние хозяйства селькупов принципиально привязаны к таким водоемам. Рыба с живунов служит кочевым семьям гарантированной белковой пищей все девять месяцев зимы.

Еще в августе-сентябре на живунах (близ своих зимних стойбищ) селькупы ставят запоры, которые начинают вычерпывать в

ноябре, по первому льду. Если рыба сдается на сельхозпредприятие, запоры к декабрю опустошаются. Если рыба добывается только для питания семьи, запор вычерпывают постепенно, в течение зимы, включая март месяц. Рыбная ловля запорами, полностью перекрывающими русло реки, четыре года назад была запрещена законом. Сейчас можно перекрывать 2/3 ширины реки с одной ее стороны. Нельзя ставить запоры «в замок», т.е. с двух берегов реки. А так как добываемая способность запоров очень высокая (до 70 тонн рыбы с одного запора), и для того, чтобы прокормить семью, такого количества рыбы не нужно, подледный лов на семейные нужды селькупы сегодня чаще осуществляют сетями.

Нельзя не сказать, что выбор места зимнего стойбища определяется не только наличием неподалеку живуна, но и наличием ягеля, служащего кормом для оленей.

В октябре у селькупов начинается охота на соболя (в это время соболь одевается в зимнюю шкурку), которая продолжается включительно до февраля. На соболиную охоту современный охотник выезжает без семьи на оленях или на снегоходе. Соболь водится в зоне лесов, поэтому охотники верхнего Таза обычно удаляются от стойбища на незначительное расстояние – до 10 км, возвращаясь домой в тот же день или на следующий. Для среднетазовских селькупов, проживающих в притундровой полосе и вынужденных перемещаться для охоты на соболя в лесные массивы, это расстояние в десятки раз больше. В месте охоты у охотника есть избушка или временное укрытие – чум или палатка. По мнению автора, считать это место еще одной стоянкой кочевого цикла, какой оно было раньше, не следует, хотя бы потому, что охотник находится там один, без семьи. Доходы от продажи шкурок соболя являются сегодня важной составляющей семейного бюджета селькупов.

Хозяйства селькупов за прошедшие годы стали менее мобильными и более основательными. Если раньше на летних стоянках селькупы жили в берестяных чумах, а на зимних - в чумах с покрышками из оленьих шкур и землянках, то теперь основной тип жилища на летних угодьях - бревенчатые дома, чумы, покрытые брезентом, и брезентовые палатки.

На зимних стойбищах строятся «более теплые» бревенчатые дома и, редко, землянки; чумы с меховыми покрышками не ставятся уже давно.

К новациям, наиболее глубоко проникшим в кочевой быт, относятся современные транспортные средства – моторные лодки и снегоходы. Моторная лодка пришла в личное пользование селькупов в начале 1960-х гг. из промышленного рыболовства, снегоходы появились в начале 1980-х гг. Появление снегоходов дало возможность безолненным кочевым селькупам не ограничивать свои кочевые маршруты. Сегодня снегоходы и моторы сельхозпредприятия выдают своим рыбакам по ссудам, разрешая выплачивать их стоимость в рассрочку. Безработные селькупы могут обзавестись современной техникой лишь в случае удачной зимней пушной охоты или выиграть ее во время оленьей гонки на Дне оленевода. Из-за частых поломок, проблем с ремонтом, отсутствием денег на бензин, а также в силу традиции снегоходы и моторные лодки не всегда используются.

Итак, в результате проведенного сопоставления старого и современного хозяйственного цикла селькупов были сделаны следующие вводы. Основная (I) стоянка старого цикла, на которой селькупы находились с сентября по май за вычетом марта-апреля, когда продолжалась «большая ходьба», с небольшим уменьшением периода (с октября по май), соответствует зимнему стойбищу современного цикла. Совпадают также характеристики места расположения старой и новой зимних стоянок. Старая и новая летние стоянки сопоставимы по расположению и по периоду пребывания на них селькупов (хотя и с увеличением его на месяц). Старые стоянки, как летние, так и зимние, почти совсем не соответствуют новым по жилой архитектуре. Основным жилищем на новых стоянках селькупам служит бревенчатый дом. Совпадения в жилой архитектуре старых и новых стойбищ обнаруживаются лишь в отмирающих элементах - землянках и летних чумах, но в чумах береста давно заменена брезентом. Третья (III) стоянка, охотничья, как считает автор, совсем исчезла, так как охотник уезжает теперь на охоту без семьи. То есть количество стоянок в современном хозяйственном цикле селькупов уменьшилось до двух,

но при этом цикл не утратил своего кочевого характера.

Занятия, формирующие современный хозяйственный цикл селькупов, остались прежними, это рыболовство, охота и оленеводство. Рыболовство для селькупского кочевого цикла было определяющим занятием, значение которого со временем росло, что в числе прочего (косвенно) доказывается выпадением из нового кочевого цикла стоянки, на

которой рыбная ловля не осуществлялась. Промышленное рыболовство вносило коррективы в кочевую традицию и в то же время эту традицию сохраняло. Посредством развития и укрепления селькупского промышленного рыболовства в рамках социального проекта помощи коренным малочисленным народам Севера государство поддерживало хозяйственный цикл и традиционный образ жизни селькупов.

Источники

1. Прокофьева Е.Д. Селькупы. Рыболовство тазовско-туруханских селькупов //АМАЭ. Ф.6. Оп. 1. № 104. 69 л.

Список литературы

2. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 204 с.
3. Головнев А.В., Тучкова Н.А. 2005. Селькупы. Хозяйство. // Народы Западной Сибири. М.: Изд-во «Наука». 1993.С. 317-328
4. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения. Новониколаевск: Издание Сибревкома. 1925. 101 с.
5. Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Изд-во «Ветер». 2008. 175 с.
6. Лебедев В.В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // Советская этнография. № 2. 1980.С. 82-91
7. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. Казань, 1833. № 9. С. 506-523
8. Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 665-686
9. Скалон В. Н. В тундре Верхнего Таза // Советский Север. № 3. 1930. С. 129–139.
10. Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза // Советский Север. № 3-4. 1931. С. 70-87
11. Скалон В.Н. Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Советский Север, № 9, 1931.С. 43-65
12. Степанова О. Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 365-374
13. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН. 2017. С. 349-444
14. Степанова О.Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. № 1 (58). 2018. С.91-100
15. Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа// Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167-173
16. Степанова О.Б. Село Толька и не только // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. 2016. Вып. 16. С. 46-66
17. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 126-134
18. Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение». 2002. 150 с.

FISHING AND NOMADIC CYCLE OF THE NOTHERN SELKUP

The study proves the dominant importance of fisheries among the economic activities of the northern Selkup and the dependence on it of the Selkup economic cycle. Turning to the events of the Soviet and post-Soviet history, the author reveals the influence of the state policy of different historical epochs on the Selkup traditional fishery and the traditional economic cycle. During the period of collectivization on the basis of traditional fisheries and in conjunction with the notions of the Selkups, an industrial fishing branch was created, which all subsequent historical stages, including the modern one, on the one hand, made changes to the Selkup fishing tradition and the original nomadic economic cycle, on the other, served as a guarantor preserve the tradition of Selkup life. The dependence of the Selkup business cycle on fisheries revealed by the author allowed to clarify the question of the traditional and modern number of nomadic camps of the Selkup. The scientific novelty of the work and its relevance lies in the fact that from this angle no one has yet considered the Selkup economic cycle.

Keywords: Selkups; economic cycle; traditional nomadic lifestyle; fishing; industrial fishing; state policy towards the indigenous peoples of the North.

References

2. Golovnev A. V. Istoricheskaia tipologiya khoziaistva narodov Severo-Zapadnoi Sibiri [Historical typology of farming peoples of the North-Western Siberia]. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet. 1993. 204.
3. Golovnev A. V., Tuchkova N. A. Sel'kupy. Khoziaistvo [Sel'kups. Economi]. In *Narody Zapadnoi Sibiri* [The peoples of western Siberia]. Moscow: Nauka. 2005. 317–328.
4. Dobrova-Iadrintseva L. N. Tuzemtsy Turukhanskogo kraia: opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya [The natives Turukhansk: edge economic research experience]. Novonikolaevsk: Sibrevkom. 1925. 101.
5. Donner K. U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter. 2008. 175.
6. Lebedev V. V. Sem'ia i proizvodstvennyi kollektiv u naseleniia pritundrovoy polosy severozapada Turukhanskogo kraia v XIX v. [Family and production team from the population of pre-tundra strips northwest Turukhansk edge in the XIX century]. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 1980. 82–91.
7. Maslov. Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraia. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii [Roaming peoples of Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province]. *Zavolzhskij muravej*, 9, 1833. 506–523.
8. Prokofieva E. D. Sel'kupy [Sel'kups]. In *Narody Sibiri* [The peoples of Siberia]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. 665–686.
9. Scalon V.N. Rybnyye promysly v bassejne r. Taza [Fisheries in the vicinity of the river Taz], In *Sovetskii Sever* [Soviet North], 9, 1930. 42–65.
10. Scalon V. N. Olenevodstvo v bassejne reki Taza [Reindeer in Taz Basin]. In *Sovetskii Sever*, 3-4, 1931. 70–87.
11. Scalon V. N. Rybnye promysly v bassejne r. Taza [Fishing in the river basin Taz]. In *Sovetskii Sever*, 9, 1931. 43–65.
12. Stepanova O.B. Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and indigenous peoples of the North in the beginning of the XXI century in the Krasnoselkup district of the YNAO]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2, 2018. 365–374.
13. Stepanova O.B. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to indigenous small-numbered peoples of the North at the beginning of the XXI century. (on the example of the northern Selkup)]. In: *Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri* [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN. 2017. 349–444.
14. Stepanova O.B. Krasnyye sel'kupy: revolyutsionnyye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Selkup Reds: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 1 (58), 2018. 91–100.
15. Stepanova O.B. Osobennosti sovremennogo khozyaystvenno-kul'turnogo polozheniya korennykh narodov Severa Krasnosel'kupskogo rayona YaNAO [Features of the modern economic and

cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkup district of the YaNAO]. In: Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestykh Sibirskikh Chteniy. Sankt-Peterburg, 27-29 okt. 2004 g. [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Materials of the Sixth Siberian Readings. St. Petersburg, October 27-29, 2004]. St. Petersburg: MAE RAN, 2005.167-173.

16. Stepanova O.B. Selo Tol'ka i ne tol'ko [The village of Tolka and not only]. In: Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN [Materials of field research MAE RAS]. St. Petersburg: MAE RAN. 2016 , 16. 46-66.

17. Stepanova O.B. Selkupy village Sovrechka [Selkups of the village Sovrechka]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3, 2015. 126-134.

18. Khomich L. V., Irikov S. I., Aiupova G. E. Tazovskie sel'kupy [Taz Selkup]. Saint Petersburg: Prosveshchenie. 2002. 150.

Об авторе

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Россия); stepanova67@mail.ru

Stepanova Olga Borisovna, Candidate of Science in History, Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia); stepanova67@mail.ru